

НИБЕЛУНГИ УЖЕ ПОД КИЕВОМ

Олег Меньшиков и Максим Курочкин против тоски по ясности

Павел Руднев

Вчера вечером на сцене Театра имени Моссовета состоялась московская премьера спектакля Олега Меньшикова «Кухня». Несколько днями раньше «Кухню» показали в Киеве. Пожалуй, впервые в антрепризе, которой, по сути, является Театральное товарищество «814» — организатор проекта, поставлена некоммерческая пьеса молодого автора. Драму о том, как на кухне современного ресторана оживают события северного эпоса о Нибелунгах, написал драматург Максим Курочкин, обладатель специального приза Антибукеровской премии. Музыка к спектаклю сочинил Борис Гребенщиков. В «Кухне» заняты Олег Меньшиков (Гюнтер), Оксана Мысина (Кримхильда), Никита Татаренков (Зигфрид). Это интервью с Максимом Курочкиным было сделано в субботу, за два дня до официальной премьеры, и оно передает скорее выжидательное и нервное настроение постановочной группы в ожидании события, нежели дыхание славы — после него.

МАКСИМ, почему премьера «Кухни» прошла в Киеве? Кажется, это ваша родина?

— Здесь нет ничего тайного, хотя, конечно, мне было бы лестно думать, что тут сказалось мое происхождение. Дата московской премьеры по техническим причинам была перенесена, а отказываться от договоренности с Киевом о гастролях было нехорошо. У Театрального товарищества там хорошие отношения — когда-то и «Горе от ума» выезжало в Киев.

— В пьесе есть что-нибудь про столицу Украины, ведь у вас, кажется, едва ли не в каждой пьесе говорится о родине?

— В тексте «Кухни» Киев упоминается один раз, но если учитывать, что в пьесе не сказано, где именно происходит событие, они могли случиться и под Киевом.

— Пьеса была вам заказана?

— Да, заказаны были тема пьесы, место действия — ресторан в старом средневековом замке, основные сюжетные линии и главное событие. Новый официант

или повар, появившись в коллективе, полностью изменяет предлагаемые обстоятельства и картину мира.

— Антрепризный спектакль обязан иметь коммерческий успех. Пьеса, написанная по заказу антрепризы, была для вас компромиссом?

— Если и был компромисс, то в меньшей степени — по отношению к публике. Он заключался лишь в том, чтобы рассказать историю, которая устраивала бы постановочную группу и только во вторую очередь — публику. Нам часто кажется, что знание о том, как достичь успеха у зала, общедоступно. Но это не так. Как только появляется что-то очень не рассчитанное на успех, тут же формируется другая публика. Важно отказаться от образа «едока», усредненного потребителя. И Олег Меньшиков был к такому эксперименту готов — и уважать зрителя, и не попадать к нему в зависимость.

Могу признаться, что первый вариант пьесы, которую я принес в начале октября, все же страдал «неуважением» к публике. Там случались радости исключительно литературного свойства. И мне было сказано: «Вообще все хорошо, но с этим трудно работать». И правильно сказали — второй вариант мне нравится куда больше. Спектакль уже тем тревожит зал, что станет требовать от него иного типа сотрудничества с театром — пьеса провоцирует желание, придя домой, что-нибудь почитать о Нибелунгах... Безусловно, многие не сумеют с налету проследить все сюжетные ходы пьесы. Многих будет, я думаю, раздражать и то, что невозможно добиться ясных, «разжеванных» мотиваций поступков героев.

Перед киевской премьерой мы срочно дописали «объяснительное» предложение в один из монологов: «Где-то, где-то есть страна, где на кухне люди говорят правду». Она очень условна и необязательна, но часть публики и многие киевские критики моментально ухватились за нее — она им за секунду все якобы объяснила: «Ага, понятно, для чего это они все сделали! Советская кухня — знаем, знаем...» В публике сегодня живет какая-то неизбежная тоска по ясности. Ей не нужен многовариантный мир. После премьеры в Киеве стало ясно, что фразу эту надо убрать. Хотя и не исключено, что она останется. Когда мы

работали, мы, конечно, очень хотели по возможности избежать этих «зон ясности», но, с другой стороны, и не было задачи заваривать «мутняк», какую-то принципиально непознаваемую вещь. Просто в нашем спектакле персонажи дают сразу несколько версий каждого события, и эта неразбериха сбивает с толку.

— Есть ли у вас еще какие-то опасения перед премьерой в Москве?

— Еще можно успеть за сегодня-завтра что-то исправить. На уровне нескольких фраз. Сократить несколько сцен. Избыточность — вообще свойство и этой пьесы, и этого спектакля.

— А что кроется за вашим интересом к северному мифу?

— Нибелунги — миф, наименее известный в российском культурном пространстве, наименее «заезженный», который можно исследовать. И вместе с тем играть в «гибель богов» очень опасно — там столько подводных камней... Без последствий не обойдешься.

Жизнь современного человека распадается на расхожие формулы, с помощью которых все становится предельно понятно. А от такого рационализма устаешь. Это так же, как с публикой — мы уверены, что всегда знаем, как приготовить для нее съедобную пищу. Нибелунги идут навстречу своей ги-

бели, полностью осознавая это. Их иррациональная воля к смерти — это какая-то другая форма существования. И их путь по-своему ведет к победе. Хотя победа Нибелунгов и победа современных людей-потребителей — разные вещи. В спектакле содержится конфликт между миром потребления и миром чего-то иного.

— Вас давно волнует тема Нибелунгов?

— Не так давно. Из моих тридцати последние 26–27 лет. И не думаю, что тема для меня отныне закрыта.

— Это какая по счету постановка ваших пьес?

— В профессиональном театре — четвертая. В Вильнюсе шла пьеса «Истребитель класса «Медя» под названием «За нами Нью-Йорк» — в постановке Александра Великовского. В филиале Театра имени Пушкина сыграли премьеру спектакля Алексея Литвина по пьесе «Право капитана «Карпати», но теперь он уже не играется. Внутри проекта «Москва — открытый город» (Центр драматургии и режиссуры под руководством Алексея Казанцева и Михаила Рошина) — «Глаз» в режиссуре Владимира Мирзоева и «Бабло побеждает зло» — Андрея Сычева. Были еще постановки в киевских студиях, но это еще до того, как я приехал в Москву, в литинститут, учиться.

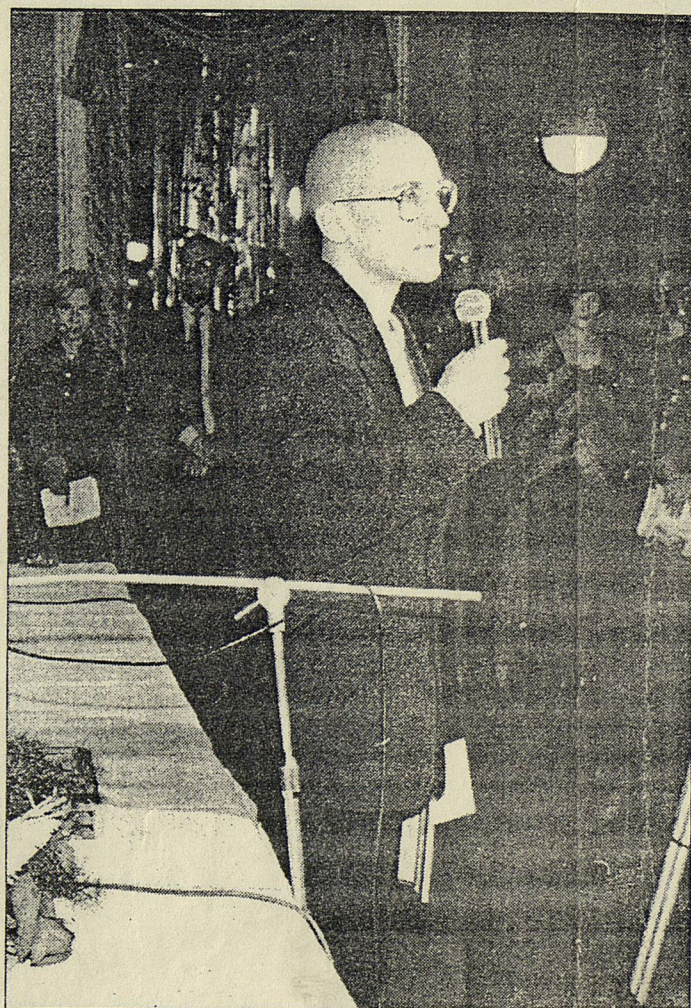
— Вы ходили на репетиции?

— Если я мог бы себе это позволить, то был бы на всех. Но на тех, где бывал, старался не мешать, а где просили вмешаться, вмешивался. Процентом на 20 текст сократился и еще на 20 был перепи-сан. Я не писал на конкретных актеров, и многое менялось с расчетом, что так будет лучше для спектакля. Для меня в театре, в производстве многое оказалось новостью. Возможно, теперь я знаю театр лучше. А что касается литературного варианта пьесы — он в конце концов остался нетронутым, лежит себе.

— Как Меньшиков репетировал?

— Кроме фантазий и своего режиссерского видения, Олег обладает терпением. Способностью выслушивать других. Все делалось немного с запасом — репетировалось гораздо больше сцен, было гораздо больше режиссерских «штучек», от которых потом сам же Олег отказывался. Меньшиков умеет не увлекаться собой, а уделять большее внимание конечному продукту. У меня язык не повернется назвать все это антрепризой. Он не боялся экспериментировать, хотя наверняка были люди, которые его торопили, — часто казалось, что сыграть премьеру в ноябре 2000 года — нереально.

Рецензию на премьеру в Москве читайте в завтрашнем номере.

Драматург Максим Курочкин на церемонии вручения Антибукеровской премии за 1998 год. Фото Андрея Никольского (НГ-фото)